

Т. В. ЧИЖОВА
Республика Беларусь, г. Минск

ФЕНОМЕН «СДВИГА ВЛАСТИ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Во все времена одной из ключевых проблем являлась проблема власти. Властные отношения присущи всем общественным системам и человеческим взаимоотношениям. Власть – не конкретное явление, но аспект всех без исключения отношений между людьми. Поэтому она неизбежна и нейтральна: «...Власть сама по себе ни плоха, ни хороша. Это неизбежный аспект любых человеческих взаимоотношений, и он влияет на все. И мы – продукты власти в значительно большей степени, чем многие из нас представляют» [2, 21].

Тем не менее из всех аспектов нашей жизни власть остается одним из наименее понятных и наиболее важных. Согласно Э. Тоффлеру, мы вступаем в эру метаморфоз власти, когда вся структура власти, скреплявшая мир, дезинтегрируется. Происходит изменение структуры власти, ее рычагов управления. Этот так называемый «сдвиг власти» означает не просто перераспределение властных ресурсов в политическом мире, но трансформацию самой природы власти. «Совершенно иная структура обретает форму. И это происходит на всех уровнях человеческого общества» [2, 22].

Чтобы понять, в чем заключается сущность феномена «сдвига власти», необходимо вычленить основания, на которых зиждется власть. Изменения на уровне оснований власти и приводят в конечном итоге к трансформации природы властных отношений.

В систему власти включены все, и никто от нее не свободен. В любом сообществе система власти последовательно дробится на все меньшие и меньшие подсистемы. Они связываются обратными связями между собой и с более крупными системами, частью которых они являются. Индивидуумы входят во многие различные, хотя и связанные между собой подсистемы власти. Поскольку у людей есть потребности и желания, тот, кто может их удовлетворить, обладает властным потенциалом. Поскольку потребности и желания чрезвычайно разнообразны, способов их удовлетворения и отказа в удовлетворении также весьма много. Поэтому существует немало различных «инструментов» и «уровней» власти. Среди них первостепенно важными являются насилие, богатство и знания. Там же имеет начало большинство других ресурсов власти. Сила, богатство и знание в качестве основных властных рычагов образуют «триаду власти». [2, 34]

Если в предыдущие эпохи главным ресурсом у власти была сила денег, сырья и оружия, то в последние десятилетия XX – начале XXI в. складывается новый ресурс власти – знание, или «информационный и символический капитал» (П. Бурдьё) [1]. Знания человека превращаются в его главную производительную силу. А среди разных типов знаний начинает доминировать знание об управлении, о системах, об инфраструктурах. В этой связи изменяется и тип конфликтов. Современность характеризуют как эпоху информационных войн, войн за знания и за мозги, где главным оружием становятся информационные сети и управление ими.

Знание, насилие, богатство и взаимоотношения между ними определяют власть в обществе. Еще Ф. Бэкон ставил знак равенства между знанием и властью, но он не акцентировал внимания на его качестве или на решающих связях с другими основными источниками социального господства. Глубочайшая метаморфоза власти заключается в том, что и сила, и богатство стали поразительно зависеть от знания. Тоффлер

подчеркивает, что знание перекрывает достоинства других властных импульсов и источников. В современном мире именно знание может служить для приумножения богатства и силы.

Знание как властный ресурс и как форма собственности обладает одной чрезвычайно важной специфической особенностью: оно неосязуемо, сверхсимволично. В противоположность земле или машинам, которые могут использоваться лишь одним человеком или фирмой в один фиксированный момент времени, знание доступно многим пользователям одновременно, и если оно используется с умом, то может порождать даже новое знание. Ему (знанию) присущи свойства неистощимости и неисключительного характера использования. Капитал переходит из материальной, осязаемой формы в бумажную форму и, наконец, в электронные импульсы, символизирующие бумагу. При этом капитал теряет остатки своей «материальности», становясь «суперсимволическим».

Разумеется, новая система создания материальных ценностей не может распространиться, не вызвав личных, политических и международных конфликтов. Изменение способа создания благосостояния с необходимостью приводит к столкновению интересов с теми, чье господство рождено предыдущей системой. Это и есть тот самый расширяющийся сегодня по миру конфликт, который может объяснить происходящее в данный момент потрясение власти. Грядущая борьба за доминирование будет все больше и больше превращаться в сражение за распределение и доступ к знаниям.

Не менее важным, чем знания сами по себе, становится умение находить внутреннюю связь между данными по многим направлениям, выявляя их контекст, а затем, переводя их в информацию, транслировать в нужном нам направлении. Таким образом, стратегическое значение в борьбе за власть все более приобретают средства обработки и передачи знаний, каналы коммуникации, информационные сети. Последние выполняют функцию нервной системы в организме общества. Примитивные организмы имеют медленно функционирующие нервные системы. Более развитая нервная система человека обрабатывает сигналы быстрее.

В современном мире степень развитости того или иного общества определяется скоростью обмена информацией, циркулирования идей. «...Отныне мир будет разделен на быстрых и медленных» [2, 475]. Быть быстрым или медленным, по Тоффлеру, это не просто метафора. Целые экономические системы принадлежат или к быстрым, или к медленным. С исторической точки зрения, власть перешла от медленных к быстрым – говорим ли мы о видах или странах. «Быстрая» экономика завтрашнего дня является также источником огромной власти. Быть отрезанным от нее значит быть исключенным из будущего. Тем не менее именно эта судьба ожидает многих из сегодняшних развивающихся стран, к которым относятся в том числе страны постсоветского региона. Чем ценнее становится время, тем больше обесцениваются такие традиционные факторы производства, как сырье и труд. То есть именно то, что эти страны в большинстве случаев продают. Это означает, что медленные экономики должны будут ускорить свои нервные реакции или потерять контракты и инвестиции и окончательно выбыть из соревнования.

Определенный шанс для сегодняшних «медленных» стран Тоффлеру видится в том, что они, возможно, смогут перескочить целую стадию развития инфраструктуры, совершив скачок «от коммуникаций Первой волны к коммуникациям Третьей волны без вложения больших сумм, которые были необходимы для построения сетей и систем Второй волны» [2, 494]. В таком случае пропасть, которую им надо преодолеть, – информационная и электронная. Не последнюю роль в процессе перехода к обществу такого типа, где знания приобретают значение наиважнейшего стратегического ресурса, играет не только и не столько техническое переоснащение, но изменение прежних форм организации, построение более гибкой системы управления в сфере производства,

частного бизнеса, государственных структур, системы образования, области науки и т. д. В конечном итоге это означает переустройство самого общественного сознания, формирование способов мышления, необходимость переосмысления социальной реальности.

1. *Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993.
2. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2003.